

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ДЕВУШКА-КОШКА

Сергей Патрушев

Девушка-кошка

<https://litres.ru/74371652>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ночной город живёт по своим законам. Для обычных людей он просто лабиринт улиц, огней и теней. Для Алисы - охотничьи угодья. Она не маг, не оборотень и не порождение тьмы. Она человек, который однажды в детстве случайно разбудил древний дух кошки и с тех пор носит его, как плащ, прячась за маской сверхъестественного существа.

Когда череда загадочных смертей заставляет капитана Маркуса создать Отдел аномалий, Алиса становится его тайным оружием. Вместе с аналитиком-скептиком Тео и медиумом Лией она расследует дела, от которых отказываются обычные детективы: проклятые ткани, убийцы из Зазеркалья, культы, поклоняющиеся древним хищникам.

Каждая охота приближает её к главной разгадке — кто она на самом деле? И что проснётся, когда дух кошки перестанет быть просто маской? В мире, где магия реальна, а доверие стоит жизни, Алисе придётся выбрать, кем быть: дичью, охотником или чем-то совершенно новым.

Содержание

Глава 1. Следы на черепице	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Девушка-кошка

Глава 1. Следы на черепице

Ночной город пах дождём, мокрым асфальтом и гнилью, поднимающейся из сточных канав. Для обычного человека этот запах был бы лишь сырым дискомфортом, раздражающим нос и заставляющим поднять воротник повыше, — чем-то таким, от чего хочется поскорее нырнуть в тепло нагретой квартиры, заварить себе чего-нибудь горячего и забыть о промозглой сырости за окном. Для меня этот запах раскладывался на целую симфонию обонятельных сигналов, каждый из которых рассказывал свою историю, шептал о прошлом и настоящем этого места.

Вот ржавчина на старой водосточной трубе — ей не меньше тридцати лет, и она помнит времена, когда здесь гуляли семьи с детьми, а по вечерам из открытых окон доносилась музыка, а не крики и не ругань. Вот плесень, затаившаяся в трещине кирпичной кладки, — она распространяется медленно, но неотвратно, как болезнь, пожирая камень изнутри, ослабляя стены, делая их такими же хрупкими, как жизни людей, что прячутся за ними. А вот едва уловимый, сладковатый аромат страха, который вёл меня по пятам, как

невидимая нить, натянутая над лабиринтом переулков, — нить, что пульсировала и дрожала, обещая мне добычу.

Этот запах был мне знаком. Так пахнут те, кто совершил что-то неправильное и теперь бежит, надеясь, что ночь скроет их грехи, спрячет их от возмездия, растворит в своей чернильной темноте все следы их преступлений. Глупые, глупые существа. Ночь никогда ничего не скрывает. Ночь — это мой тронный зал, где я была королевой, а все остальные — лишь случайными гостями, забредшими в мои владения без малейшего представления о том, какие опасности таятся в тенях.

Я сидела на корточках на краю карниза, и мир внизу казался декорацией к спектаклю, который я смотрела из ложи бельэтажа. Люди спешили по своим делам, кутаясь в воротники от пронизывающего ветра, их шаги были быстрыми и суетливыми, их мысли — мелкими и предсказуемыми. Никто из них не поднимал головы. Они никогда не смотрят вверх. А зря. Самое интересное в этом городе происходит именно там, на высоте птичьего полёта, где ветер треплет волосы, а под ногами — лишь хрупкая жёсть и выщербленная черепица, где тишину нарушают только крики чаек да шорох моих шагов.

Я часто думала о том, почему люди так редко поднима-

ют глаза к небу. Может быть, они боятся. Боятся увидеть то, что не вписывается в их уютную картину мира, то, что разрушит их представления о безопасности, о том, что они — венец творения и хозяева этой планеты. Боятся заметить тень, скользющую по крышам, или пару светящихся глаз, наблюдающих за ними из темноты, следящих за каждым их движением с терпением хищника. А может быть, они просто слишком заняты собой, своими мыслями о завтрашнем дне, который для многих из них может и не наступить. Они не знают, что над ними есть целый мир — параллельный город, живущий по своим законам, где крыши соединяются карнизами, а пожарные лестницы служат не для эвакуации, а для прогулок, где ветер — это дорога, а пустота под ногами — лишь иллюзия, развеиваемая уверенностью в собственных силах.

Мой взгляд скользнул по фигуре, мечущейся в проёме между домами. Карманник. Мелкая сошка, но с той дерзостью, которая свойственна молодым и отчаянным, тем, кто ещё не познал боль по-настоящему, не ощутил на своей шкуре, что значит попасться. Он только что срезал бумажник у зазевавшегося клерка, вышедшего из круглосуточной забегаловки с выражением усталого удовлетворения на лице, и теперь улепётывал со всех ног, петляя как заяц, пытающийся сбить со следа гончую. Для клерка это была потеря месячной зарплаты, возможно, всех его сбережений, ради которых он вкалывал с утра до ночи, прогибаясь под начальство и терпя

унижения. Для меня — способ разогнать скуку этого промозглого четверга, возможность почувствовать себя нужной, ощутить прилив адреналина, который разгонял кровь по венам лучше любого наркотика.

Четверг. Самый скучный день недели. Слишком поздно для начала, слишком рано для конца. В четверг даже преступники становятся вялыми и предсказуемыми. Они совершают ошибки, потому что их мозг уже устал от недели, но ещё не получил разрядку выходных. Я наблюдала за этим карманником уже около получаса, с того самого момента, как он вышел из подворотни на Седьмой улице с выражением голодного шакала на лице, с той особенной походкой, которая выдавала в нём человека, ищущего лёгкую добычу.

Он был молод, лет шестнадцать, не больше, но двигался с уверенностью опытного вора. Движения отточены, взгляд цепкий, руки быстрые. Школа, подумала я тогда. Уличная школа, самая жестокая и беспощадная, где вместо учителей — старшие товарищи с криминальным прошлым, а вместо оценок — сроки или могила.

Я даже не встала в полный рост. Просто сместила центр тяжести и мягко, бесшумно, словно капля воды, скатилась по скату крыши. Носки моих ботинок находили невидимые опоры, а тело само знало, как сгруппироваться в прыжке.

Люди называют это паркуром или акробатикой. Для меня это было лишь подобием ленивой прогулки, чем-то вроде утренней растяжки, только вместо гимнастического зала — городские джунгли, а вместо мата — пропасть между домами. Мои мышцы работали слаженно, как единый механизм, каждое движение было выверенным и точным, отточенным до автоматизма годами практики, годами падений и синяков, которые теперь казались лишь забавными воспоминаниями.

«Магия кошки», — говорили о таких, как я, если верить городским легендам. Ночное зрение, бесшумный шаг, грация хищника. Люди любят придумывать сказки, чтобы оправдать то, чего не понимают. Им проще поверить в колдовство, в проклятие, в инопланетное вмешательство, чем принять реальность — что среди них живут те, кто не совсем человек, кто обладает способностями, выходящими за рамки обычного восприятия. Они не знают, что у любой магии есть цена. Моя цена — это вечная игра на грани, где каждый неверный шаг может стоить не просто перелома, а разоблачения. Это одиночество, которое порой давило на грудь тяжелее бетонной плиты. Это постоянный страх, что кто-то узнает мою тайну и превратит мою жизнь в кошмар.

Разоблачение. Какое мерзкое слово. Оно звучит как приговор, как щелчок наручников, как скрип тюремной двери.

Всю свою сознательную жизнь я жила в страхе перед ним, перед этим моментом, когда кто-то узнает правду. Не ту правду, которую можно прочесть в жёлтых газетах или услышать в пьяных байках в дешёвых барах.

А настоящую правду — ту, от которой у нормальных людей волосы встают дыбом и разум отказывается верить собственным глазам. Правду о том, что я могу видеть в темноте, как днём, что слышу сердцебиение за сто метров, что падаю с пятого этажа, не ломая костей. Правду, которая сделала бы меня изгоем, подопытным кроликом, чудовищем в глазах общества.

Перепрыгнув через перила пожарной лестницы, я приземлилась в узком проулке. Подошвы мягко спружинили, поглотив звук удара. Впереди, шагах в тридцати, беглец замер, прислушиваясь. Его сердце колотилось так громко, что я слышала его биение сквозь шум ветра — частый, сбивчивый ритм загнанного зверя.

Я слышала, как кровь стучит у него в висках, как воздух с хрипом вырывается из лёгких, как пот стекает по спине, пропитывая дешёвую синтетическую куртку. Всё его тело кричало о панике, о животном страхе, который древнее самого человечества, о том первобытном ужасе, что заставлял наших предков забиваться в пещеры и дрожать при звуках ноч-

ного леса.

— Эй, — окликнула я его, выпрямляясь.

Он обернулся. Луч фонаря, пробивающийся из-за угла, выхватил из темноты его бледное, перекошенное лицо. На вид лет шестнадцать, не больше. Щенок. Глупый щенок, который решил, что воровство — это лёгкие деньги, а не билет в один конец на дно общества, что это способ выжить, а не медленное самоубийство. Его глаза расширились, когда он увидел меня — женщину, появившуюся из ниоткуда, словно призрак, словно ожившее порождение ночи. Он не мог понять, как я здесь оказалась. Он не слышал моих шагов, не видел моего приближения. Для него я была просто тенью, внезапно материализовавшейся в переулке, сгустком тьмы, принявшим человеческую форму.

— Отдай бумажник, — сказала я спокойно, делая шаг вперёд.

Вместо ответа он выбросил руку вперёд. В тусклом свете блеснуло лезвие ножа. Дешёвая сталь, плохая заточка. Обычно такие, как он, машут оружием, чтобы отпугнуть, а не чтобы убить. Но иногда от испуга они бьют на поражение, и тогда последствия бывают самыми печальными. Я видела такое не раз: трупы в переулках, кровь на асфальте, искорёженные

тела, которые ещё минуту назад были живыми людьми. И всё из-за того, что кто-то не смог справиться со своим страхом, позволил панике взять верх над разумом.

Я вздохнула. Ну почему всегда нужно усложнять? Почему они никогда не могут просто отдать то, что украли, и разойтись мирно? Почему каждый раз приходится доказывать, что я сильнее, быстрее, опаснее? Неужели мой вид не говорит сам за себя? Неужели в моих глазах нет той искры, что предупреждает: не связывайся, беги, пока цел?

Он бросился на меня, надеясь, видимо, на эффект неожиданности. Для меня его движения были медленными, как в густом сиропе. Я видела, как напрягаются мышцы его плеча, как сжимаются пальцы на рукояти, как он переносит вес на правую ногу, готовясь к выпадку. Я могла бы увернуться, даже не глядя. Я могла бы перехватить его руку, выбить нож, сломать ему запястье — всё это заняло бы не больше секунды. Но я дала ему шанс. Глупый, наивный шанс, который он не заслуживал, который был продиктован не милосердием, а скорее любопытством — посмотреть, как далеко он готов зайти.

Я шагнула в сторону, и лезвие рассекло воздух там, где мгновение назад была моя грудь. Схватив его за запястье, я вывернула руку, заставляя разжать пальцы. Нож со звоном

упал на мокрый асфальт. Звук металла о камень прозвучал в тишине как выстрел, как точка в этой нелепой попытке сопротивления.

— Больно! — взвизгнул он.

— Будет больнее, если не перестанешь дёргаться, — пообещала я, заводя его руку за спину.

Но он оказался вёртким. Извернувшись, он ударил меня локтем в плечо. Удар вышел слабым, но неожиданным, и моя хватка ослабла. Он вырвался и бросился бежать к пожарной лестнице. Его ноги мелькали так быстро, что казались размытыми. Адреналин придавал ему сил, превращал его в сгусток чистой энергии, стремящейся только к одному — к спасению.

— Вот же гадёныш, — пробормотала я, бросаясь следом.

Мне нравится преследование. Когда адреналин кипит в крови, а мир сужается до одной-единственной цели, до мелькающей впереди спины. В эти моменты я чувствовала себя по-настоящему живой, по-настоящему свободной.

Все проблемы, все страхи, все сомнения отступали на задний план, оставляя только чистый, незамутнённый инстинкт

охотника. Я легко нагоняла его, перепрыгивая через мусорные баки и перекладины ограждений. Он карабкался вверх по лестнице с отчаянием обречённого, скрипя ржавыми перекладинами, которые грозили рассыпаться под его весом, и этот скрип был музыкой для моих ушей — симфонией страха, апофеозом бессилия.

— Тебе не уйти! — крикнула я, хватаясь за перила и подтягиваясь.

Он был уже на крыше. Я видела, как он бежит по коньку, балансируя руками, словно канатоходец. Глупый, смешной, но в его побеге была какая-то отчаянная искра жизни, которая меня забавляла. Погоня по крышам — это был мой личный театр, где я была и зрителем, и постановщиком, и главной героиней. Каждый прыжок, каждый поворот, каждый момент, когда гравитация пыталась схватить меня за лодыжки, а я ускользала от неё с лёгкостью, — всё это было частью великого представления, которое разворачивалось под открытым небом для единственного зрителя — для меня самой.

Я позволила ему оторваться на пару десятков метров, наслаждаясь предвкушением. Ветер свистел в ушах, город лежал у моих ног, как раскрытая ладонь с россыпью огней. В такие моменты я чувствовала себя по-настоящему свобод-

ной, неуязвимой, почти божеством. Как будто весь мир был создан только для того, чтобы я могла по нему бегать, прыгать, летать. Как будто не было никакой другой жизни, кроме этой — между небом и землёй, между светом и тьмой, между человеческим и... не совсем человеческим.

Пора было заканчивать этот спектакль.

Я оттолкнулась и побежала. Не так, как бегают люди — неуклюже, сбивая дыхание, размахивая руками. Мой бег был стремительным и грациозным, как полёт сокола над землёй. Расстояние между нами сокращалось стремительно. Он оглянулся, и в его глазах плеснулся ужас. Он понял, что его преследует не просто женщина, а нечто иное, выходящее за рамки его понимания. Что-то, что не должно существовать в этом мире, но существует. Что-то, что пришло из кошмаров, но при этом было до боли реальным.

— Не подходи! — завопил он, споткнувшись о выступающую черепицу.

Он упал, проехавшись по скату, и замер на самом краю, вцепившись пальцами в водосточный жёлоб. Ноги его болтались над пропастью. До земли было этажей шесть, не меньше. Я видела, как его пальцы скользят по мокрому металлу, как белеют костяшки, как дрожат от напряжения руки. Па-

дение с такой высоты означало верную смерть, и он это понимал. Понимал всем своим существом, каждой клеточкой своего тела.

Я остановилась рядом. Дыхание моё было ровным, сердце билось спокойно и размеренно. Страх, который я чувствовала от него, был липким и тошнотворным. Он окутывал меня, как туман, проникал в ноздри, оседал на языке горьким привкусом. Я могла бы упиваться этим страхом, наслаждаться им, как гурман наслаждается изысканным блюдом. Но вместо этого я чувствовала только усталость и лёгкое презрение.

— Я же сказала, отдай бумажник, — повторила я, присаживаясь на корточки рядом с его побелевшими пальцами. — Зачем нам эти сложности?

— Не убивай! Пожалуйста! — хрипел он. — Он у меня в кармане... заberi... только не убивай!

Его голос срывался, переходил в визг, в скулѐж. Он был готов на всё, лишь бы остаться в живых. В этот момент он был не вором, не преступником, а просто испуганным ребёнком, цепляющимся за жизнь. И что-то в этом зрелище — в его дрожащих руках, в его побелевшем лице, в его зажмуренных от ужаса глазах — тронуло меня. Совсем чуть-чуть, самую малость, но всё же.

Я наклонилась и, не обращая внимания на его скулёж, вытащила из его заднего кармана потрёпанный кожаный кошелёк. Взвесила на ладони. Судя по толщине, клерк действительно нёс в нём все свои сбережения. Месячная зарплата, возможно, последние деньги, которые у него были. И этот щенок хотел их украсть. Хотел оставить человека без средств к существованию, обречь его на голод и нищету, и всё ради того, чтобы купить себе очередную дозу или, может быть, новые кроссовки.

— И что мне с тобой делать? — задумчиво произнесла я, глядя на его перекошенное лицо. — Отпустить? Но ты ведь снова воровать начнёшь.

— Не буду! Клянусь! — затараторил он. — Просто... мне нужны были деньги... мать болеет...

— Ах, мать болеет, — усмехнулась я. — Классика жанра. Неужели никто не придумал ничего оригинальнее?

Я слышала эту историю тысячу раз. Больная мать, голодные братья и сёстры, отсутствие работы, жестокий мир, который вынудил его пойти на преступление. Все они пели одну и ту же песню, надеясь разжалобить меня, вымолить прощение, получить ещё один шанс. И некоторые из них, воз-

можно, даже говорили правду. Но правда не отменяла того факта, что они воровали. Что они причиняли боль другим людям. Что они были частью той грязи, которая затягивала этот город всё глубже и глубже.

В этот момент где-то внизу, на улице, взвыла полицейская сирена. Она приближалась, и её звук резал ночную тишину, как скальпель хирурга. Красные и синие всполохи заплясали на стенах домов, отражаясь в мокром асфальте, создавая жуткую, тревожную картину.

— Слышишь? — спросила я. — Это по твою душу.

Он заскулил, сильнее вцепившись в жёлоб. Его силы были на исходе. Я видела, как немеют его пальцы, как слабеет хватка, как тело начинает сползать вниз, подчиняясь неумолимой силе тяжести. Ещё несколько секунд — и он сорвётся. И тогда полиции останется только собрать его останки с асфальта и написать скучный отчёт о несчастном случае.

Я могла бы оставить его здесь. Полиция внизу наверняка уже знает, где он. Они бы его сняли, заковали в наручники, и мир стал бы немного чище. Но что-то в его дрожащих руках, в его зажмуренных от ужаса глазах заставило меня помедлить. Может, он и правда просто глупый щенок, который оступился? Может, ему просто нужен был кто-то, кто пока-

зал бы ему правильный путь? А может, я просто не хотела брать на себя ответственность за его смерть — даже косвенную, даже случайную. Слишком много смертей уже было в моей жизни, и каждая из них оставила свой след.

— Ладно, — вздохнула я. — Давай так: ты сейчас подтягиваешься, я тебе помогаю, а потом ты исчезаешь. И если я ещё раз увижу тебя в этом районе, то просто сломаю тебе руку. Усвоил?

Он закивал с такой силой, что едва не сорвался вниз. Я схватила его за шкурку, как котёнка, и рывком втащила обратно на крышу. Он распластался на черепице, тяжело дыша и глядя на меня с благоговейным ужасом. В его глазах читался немой вопрос: кто ты такая? Что ты такое? Откуда у тебя такая сила? Но он не осмелился произнести его вслух. И правильно сделал.

— Убирайся, — сказала я, кивая в сторону соседней крыши.

Он не заставил просить дважды. Подскочив, он метнулся прочь, исчезнув в темноте через несколько секунд. Только топот его ног по черепице ещё некоторое время эхом разносился в ночи, постепенно затихая.

Я проводила его взглядом и улыбнулась. Лёгкая разминка завершилась. Мышцы приятно гудели, кровь быстрее бежала по венам, а в голове стоял приятный туман азарта. Именно ради таких моментов я и жила. Ради этой смеси опасности, скорости и свободы, которую не мог дать ни один наркотик, ни одно другое занятие в мире.

Но тут же моя улыбка погасла.

Взгляд зацепился за что-то странное. На краю крыши, там, где только что лежал карманник, блеснул в лунном свете какой-то предмет. Я подошла ближе и наклонилась. Это был небольшой металлический жучок, аккуратно прилепленный к жёлобу. Камера. Или микрофон. Или и то, и другое. Такие штуки используют полицейские для скрытого наблюдения. Или частные детективы. Или кто-то ещё, кому нужно следить за людьми, оставаясь незамеченным.

Моё сердце пропустило удар.

Я выпрямилась и огляделась. Никого. Но ощущение, что за мной наблюдают, стало почти невыносимым. Я была не одна. Где-то там, в темноте, скрывался тот, кто установил это устройство. Тот, кто следил за мной всё это время. Тот, кто видел всё: и погоню, и задержание, и мой разговор с карманником.

— Выходите, — негромко произнесла я в пустоту. — Я знаю, что вы здесь.

Тишина. Только ветер гудит в проводах, создавая зловещую музыку ночи. Где-то вдалеке лает собака, ей отвечает другая. Город живёт своей жизнью, не подозревая о драме, разворачивающейся на его крышах.

— У вас три секунды, — добавила я. — Потом я просто уйду, и вы потеряете всё.

Я считала про себя. Раз. Два. Три. Я уже собиралась развернуться и уйти, когда из тени вентиляционной шахты выступила фигура. Мужчина в длинном тёмном плаще, с всклоченными волосами и щетиной, делавшей его лицо похожим на маску. В руке он сжимал бинокль. На поясе висела кобура. Он двигался с уверенностью человека, который привык к опасности, который провёл на улицах этого города больше лет, чем я живу на свете.

— Неплохо, — сказал он хриплым, прокуренным голосом. — Для дилетантки.

— Для кого? — переспросила я, чувствуя, как внутри поднимается раздражение.

— Для той, кто только что сорвала трёхнедельную операцию отдела по борьбе с имущественными преступлениями, — ответил он, шагнув вперёд, на свет.

Теперь я могла разглядеть его лучше. Лет пятьдесят. Уставшее, изрезанное морщинами лицо. Глаза — холодные, серые, как ноябрьское небо. Взгляд цепкий, изучающий, недоверчивый. Он смотрел на меня так, как смотрят на диковинного зверя в зоопарке — с любопытством, смешанным с опаской. Я чувствовала, как он пытается меня раскусить, понять, что я такое, откуда взялась и на что способна.

— Вы, должно быть, капитан Маркус, — догадалась я.

Он удивлённо поднял бровь.

— Мы знакомы?

— Заочно, — пожала я плечами. — Я иногда слушаю полицейскую волну. О вас там нелестно отзываются подчинённые.

Это была правда. Я часто настраивала свой маленький приёмник на частоту полицейских переговоров, слушая их болтовню, их шутки, их жалобы. Это был мой способ дер-

жать руку на пульсе города, знать, что происходит внизу, где кипит обычная жизнь. Имя капитана Маркуса всплывало в этих разговорах регулярно, и всегда в контексте, который не предвещал ничего хорошего. Суровый, упрямый, недоверчивый — так описывали его подчинённые. Человек старой закалки, который не верит в прогресс, в интуицию и, уж конечно, в людей-кошек.

Он хмыкнул. То ли оценил шутку, то ли принял её за оскорбление. Его рука небрежно легла на кобуру. Жест был машинальным, отработанным годами службы, но я заметила его мгновенно. Он был готов выхватить оружие в любую секунду, если я покажусь ему опасной. Забавно. Неужели он думает, что его пистолет сможет меня остановить?

— Значит, ты — та самая «Чёрная Кошка», о которой болтают в барах? — произнёс он, растягивая слова. — Загадочная мстительница в маске?

— Маску я не ношу, — ответила я, позволяя себе лёгкую усмешку. — Она мешает обзору.

— Брось мне бумажник, — приказал он.

— Это ещё зачем?

— Это вещественное доказательство. И ты только что позволила преступнику скрыться, что делает тебя его соучастницей.

Я рассмеялась. Искренне, звонко. Мой смех разнёсся по крыше, отражаясь от стен и теряясь в шуме ветра. Смеялась я потому, что обвинение было настолько абсурдным, что не заслуживало даже гнева. Я — соучастница? Я, которая только что рисковала жизнью, гоняясь за этим щенком? Я, которая поймала его и могла бы сдать полиции, но вместо этого проявила милосердие?

— Капитан, вы серьёзно? Я поймала его, а вы наблюдали из-за угла со своим биноклем, как старый извращенец. И теперь обвиняете меня?

Он побагровел. На его скулах заходили желваки, а глаза сузились до щёлок. Я попала в точку. Ему было стыдно за то, что он бездействовал, пока я делала его работу. И этот стыд превращался в злость, которую он вымещал на мне.

— Ты мешаешь правосудию, Алиса, — отчеканил он, делая шаг вперёд. — Или как тебя там по-настоящему зовут?

— Алиса и есть, — спокойно ответила я. — И правосудие тут ни при чём. Вы просто злитесь, что я сделала вашу работу

быстрее и чище.

— Мы вели его, чтобы выйти на скупщика краденого, — прорычал он. — Три недели разработки! А ты спугнула и его, и всю сеть. Думаешь, это геройство — скакать по крышам, как герой дешёвых комиксов?

Я почувствовала, как начинаю злиться. Этот человек, стоящий передо мной, был воплощением всего, что я презирала в людях: упрямая вера в собственные правила, слепота к очевидному, нежелание признавать, что кто-то может быть лучше, быстрее, эффективнее их системы. Он был как старая, заржавевшая машина, которая продолжает ехать по инерции, даже когда колёса давно отвалились.

— Вы ничего обо мне не знаете, — сказала я, и мой голос стал ниже, холоднее. — Вы не знаете, что я вижу и что я могу.

— Я знаю, что такие, как ты, — опасны, — парировал он. — Вы, кошатники, хвостатики, называйте себя как хотите. Существа с вашими способностями не должны разгуливать по городу без присмотра.

— С вашим «присмотром» город давно бы погряз в преступности, — фыркнула я.

Я видела, как его рука сжалась на рукояти пистолета. Пальцы побелели от напряжения. Он действительно думал о том, чтобы выхватить оружие. Но что-то его останавливало. Может быть, здравый смысл. Может быть, страх. А может быть, просто любопытство — желание понять, что я такое, прежде чем пытаться меня уничтожить.

Он резко сократил дистанцию. Его лицо оказалось в считанных сантиметрах от моего. Я чувствовала запах дешёвого табака и кофе, исходящий от него. Запах усталости и бессонных ночей, проведённых на службе. Запах человека, который давно потерял веру в справедливость, но продолжает делать свою работу по привычке.

— Послушай меня, девочка, — прошипел он. — Мне плевать, веришь ли ты в магию, или это просто гены, мутация, чёрт знает что. Мне плевать, считаешь ли ты себя героиней. Если я ещё раз увижу тебя на месте преступления, я упеку тебя в камеру так быстро, что ты не успеешь сказать «мяу». Это понятно?

Я встретила его взгляд, не мигая. В моих глазах, я знала, он сейчас видел нечто, от чего обычные люди начинают нервничать. Вертикальные зрачки, как у хищника, сужались до тонкой щели. Отблеск лунного света, попадая на радужку, создавал эффект свечения. Это была моя маленькая демон-

страция силы, мой способ показать, что я не та, кем кажусь на первый взгляд.

Маркус, к его чести, даже не отшатнулся. Но я видела, как дёрнулся кадык на его шее. Вера — вера в то, что «такие, как я» не существуют, — пошатнулась, но не рухнула. Он был слишком упрям, чтобы признать очевидное. Его разум отказывался принимать то, что видели глаза, искал рациональное объяснение, цеплялся за привычные схемы.

— Я не подчиняюсь вам, капитан, — произнесла я с расстановкой, не отводя взгляда. — Я не ваша сотрудница. И не ваш домашний питомец.

Я медленно, демонстративно, разжала пальцы. Бумажник, который я всё ещё держала, упал на черепицу между нами, шлёпнув по камню, как пощёчина. Звук был негромким, но в тишине ночи он прозвучал как выстрел. Как объявление войны.

— Заберите свои доказательства, — бросила я. — И передайте своим коллегам, что в следующий раз, когда они будут «вести» мелкого карманника три недели, пусть хотя бы научатся прятать свои жучки.

С этими словами я развернулась и, подойдя к краю кры-

ши, посмотрела вниз. Ветер подхватил полы моего плаща, развевая их за спиной. Я знала, что выгляжу эффектно в этот момент — тёмный силуэт на фоне луны, волосы развеваются, поза, полная достоинства и вызова.

— Стой! — рявкнул Маркус. — Я тебя не отпускал!

— А я и не спрашиваю разрешения, — ответила я, не оборачиваясь.

И прыгнула.

Полёт был коротким. Я приземлилась на карниз соседнего здания, на два этажа ниже, гася инерцию мягким кувырком. Сзади раздались ругательства, но я уже бежала, перепрыгивая с крыши на крышу, становясь тенью среди теней, размытым пятном в бурой тьме ночного города. Его голос ещё некоторое время преследовал меня, но постепенно затих, растворился в шуме ветра и далёких сирен.

Злость клокотала во мне, смешиваясь с азартом погони, которая только что закончилась. Этот старый ворон, Маркус, был прав в одном: такие, как я, опасны. Но его представление об опасности было односторонним. Он видел во мне угрозу порядку, который сам же и не мог поддерживать. А я видела себя тем, кто делает за них их работу. Только лучше. Чище.

Эффективнее.

Я остановилась на крыше высотки и посмотрела на раскинувшийся внизу город. Море огней, реки машин, лабиринты улиц. Этот город был моим охотничьим угодьем, моей игровой площадкой, моим домом. Я знала каждый его уголок, каждую крышу, каждый тёмный переулок. Я чувствовала его ритм, его дыхание, его пульс. И он, в свою очередь, знал меня. Принимал меня такой, какая я есть, не задавая лишних вопросов.

Где-то там, внизу, Маркус всё ещё стоял на крыше, глядя мне вслед. Я чувствовала его взгляд почти физически — жгучий, сверлящий затылок. Он будет меня искать. Он заведёт дело, поднимет старые архивы, будет собирать слухи. Это лишь вопрос времени, когда наши пути снова пересекутся. Но я не боялась. Я никогда не боялась людей. Даже таких упрямых, как он.

Я присела на край и свесила ноги вниз, наслаждаясь высотой и тишиной. В кармане завибрировал телефон. Я достала его и взглянула на экран. Сообщение от Марты, моей квартирной хозяйки и, по совместительству, единственной, кто знал мой секрет.

«Ну что, кошка, нагулялась? Внизу тебя ждёт какой-то

мрачный тип. Говорит, что от Маркуса. Говорит, у него к тебе дело».

Я нахмурилась. Как быстро он меня нашёл. Или, вернее, как быстро он вычислил, где я живу. Это настораживало. Если у него хватило ума наведаться по моему адресу, значит, моя конспирация не так хороша, как я думала. Или у него есть свои источники информации, о которых я не подозревала.

«Какой у него вид?» — напечатала я в ответ.

Ответ пришёл мгновенно.

«Вид как у бульдога, который неделю не жрал. И у него значок».

Значит, прислал кого-то из своих. Хочет поговорить. Или арестовать. Пытаться арестовать меня в моём собственном доме — плохая идея. Но, видимо, капитан Маркус полон плохих идей. Или он просто хочет показать, что не намерен оставлять меня в покое.

Я поднялась и отряхнула плащ. Ночь только начиналась, и становиться в позу оскорблённой невинности не входило в мои планы. Но и прятаться в тени, как загнанный зверь, я

не собиралась. Если этот бульдог с бляхой хочет поговорить, я дам ему возможность. На моих условиях. И если ему не понравится мой тон, он сможет высказать все претензии моему адвокату. Которого у меня, правда, не было, но это уже детали.

Я окинула взглядом панораму города, запоминая путь к дому. Нужно было спуститься по пожарной лестнице, пересечь два двора, обойти круглосуточный ларёк с шаурмой, где вечно отираются подозрительные личности, и нырнуть в арку старого доходного дома. Обычный маршрут. Сегодня он казался слишком рутинным, слишком предсказуемым.

Маркус мог установить наблюдение за домом. Марта — милая женщина, но у неё слишком длинный язык и слишком короткая память, чтобы не сболтнуть лишнего в разговоре с обаятельным полицейским. Чёрт. Нужно было быть осторожнее. Нужно было предупредить Марту, чтобы она не разговаривала с незнакомцами. Хотя кого я обманываю? Марта обожает разговаривать со всеми подряд. Это её главная слабость и, одновременно, главное достоинство.

Я встала на краю и глубоко вздохнула, наполняя лёгкие ночным воздухом. Пахло близким дождём, электричеством и чьими-то жареными каштанами с соседней улицы. Мои обострённые чувства улавливали малейшие колебания атмо-

сферы, шорохи, звуки. Где-то вдалеке плакал ребёнок. Ему вторила кошка, запертая в чьей-то квартире. Звуки накладывались друг на друга, создавая симфонию ночного города — странную, дисгармоничную, но по-своему прекрасную.

План действий созрел мгновенно. Я не пойду домой. По крайней мере, не сразу. Пусть этот «мрачный тип» Маркуса подождёт, если ему так нужно. А я пока навещу одно местечко, где можно залечь на дно и обдумать сложившуюся ситуацию. Местечко, где меня точно не будут искать, потому что обычные люди туда не ходят. Клуб «Чердак», что на пересечении Пятой и Бродвей-авеню. Заведение с сомнительной репутацией, но хорошим кофе и абсолютной лояльностью к тем, кто предпочитает держаться подальше от глаз закона.

«Чердак» был особенным местом. Туда не пускали полицейских, журналистов и просто слишком любопытных. Там собирались те, кто жил на границе между мирами — между днём и ночью, между законом и беззаконием, между человеческим и сверхъестественным. Там можно было услышать истории, от которых у нормальных людей волосы вставали дыбом, встретить существ, которые в дневном свете казались бы галлюцинацией. И там варили лучший кофе во всём городе — крепкий, как удар в челюсть, и сладкий, как первый поцелуй.

Приняв решение, я снова улыбнулась. Ночь по-прежнему была в моём распоряжении, и какой-то там капитан не мог мне этого испортить. Что бы он там ни задумал, ему придётся играть по моим правилам. А правила эти были просты: я — кошка, которая гуляет сама по себе. И никто, даже самый упрямый капитан полиции, не сможет посадить меня на цепь.

Я отступила на шаг назад, разбежалась и прыгнула. Тело само выгнулось в воздухе, ловя потоки ветра. На секунду мне показалось, что я могу взлететь. Что гравитация отступит, и я поднимусь над городом, как птица, оставив внизу все проблемы, все страхи, все сомнения. Но земля снова позвала меня, и я мягко приземлилась на крышу соседней пристройки, снова переходя на бег.

Впереди была целая ночь. Ночь, полная загадок, опасностей и приключений. Ночь, которая могла изменить всё. Хотя я ещё не знала этого.

Алиса ещё не знала, что эта случайная встреча на крыше станет началом долгой и опасной игры, в которой ей придётся балансировать между миром людей и собственной тайной. Она не знала, что капитан Маркус, несмотря на свой скептицизм, сыграет в этой игре ключевую роль. И что очень скоро ей придётся выбирать между своей свободой и жизнями тех,

кто ей дорог.

Но это было потом. А сейчас — только ночь, только ветер в волосах и только бесконечные крыши города, расстилающиеся перед ней, как тёмное море с огнями-волнами. Она бежала, и город бежал вместе с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.